

# АННА ДАНИЛОВА

ЗВЕЗДЫ-СВИДЕТЕЛИ

Часть сборника: Звезды-свидетели. Витамин любви (сборник)

# Анна Васильевна Данилова

## Звезды-свидетели

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8207657](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8207657)*

*Звезды-свидетели ; Витамин любви : повести / Анна Данилова: Эксмо;*

*Москва; 2013*

### Аннотация

Отныне опасность – постоянный спутник известного композитора Германа Родионова. Он не смог отказать в гостеприимстве некой Нине, нагло забравшейся в его машину и потребовавшей убежища. Герман пожалел девицу, приютил ее. А она – в благодарность! – рассказывает ему одну жуткую историю за другой! И мужа-то она своего застрелила, и мачеху отравила, и бывшего начальника прикончила... Герман вынужден слушать рассказы сумасшедшей! Но какая доля правды и вымысла в кошмарных откровениях? Что, если все это случилось на самом деле?!

# Содержание

1	5
2	16
3	29
4	40
5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

# **Анна Данилова**

## **Звезды-свидетели**

© Дубчак А. В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

**\* \* \***

Он ехал и размышлял – вдохновляет ли его зимний сказочный лес и эти переливающиеся серебром ели на создание новых мелодий, или же наоборот – именно музыка, льющаяся из магнитолы и заполняющая собою весь салон, заставляет его по-новому воспринимать мир, этот лес и склонившееся над ним в нежном зимнем сиянии голубое небо? Ответа на подобные вопросы не существовало, и это он тоже понимал. Он вообще многое понимал, но жить от этого легче не становилось. Ему казалось, что он жил в гармонии с собой, все его устраивало в этой жизни, и теперь, когда он скрылся из шумной назойливой Москвы в тихий лес (где, однако, позволил окружить себя привычным комфортом), мелодии должны рождаться сами собой – в его душе, голове, ушах, сердце... Но ничего подобного не происходило. Весь талант, отпущенный ему свыше (все чаще и чаще его посещали такие мысли), словно оставил его, и теперь он, Герман Родионов, известный все еще композитор, чье имя на слуху у каждого человека, более или менее разбирающегося в музыке и любящего кино, страдал от творческого бесплодия. Иногда он называл себя в душе музыкальным импотентом, и это было ужасно!

Из Москвы он уехал без сожалений, даже ни разу, что называется, не оглянувшись. Купил дом в Подмосковье, в ле-

су, перевез туда свои вещи, кабинетный рояль, поручил своему другу и продюсеру Леве Рубину присматривать за его московской квартирой и, дав всего лишь одно короткое интервью знакомому журналисту, объявил всему миру о своем желании поработать в тишине и уединении. Поначалу его телефон словно жил своей жизнью – дисплей то загорался, то гас, оповещая его об очередном желающем услышать его голос, а сам телефон издавал неприятные, какие-то зудящие и словно бы елозящие звуки – мол, обрати на меня внимание, ведь это же тебя хотят, а не меня, – но потом звонки прекратились. Словно весь прежний мир его друзей и знакомых понял наконец, что его желание уединиться было все же настоящим, и никакая это не блажь, не дурь – что весь его сложный творческий организм потребовал от Германа именно такого поступка.

Трудным оказалось первое время добровольного затворничества, поскольку по сравнению с теплой комфортной московской квартирой дом этот напоминал Герману некий живой и абсолютно автономный организм, требовавший к себе постоянного внимания. Живым был паровой котел – при его помощи отапливались комнаты; живым был и самостоятельный, грубоватый с виду камин, который Герман довольно долго учился растапливать дровами (как, впрочем, и паровой котел). Благо электричество было все же не автономным и существовало вполне цивилизованно, питаясь от высоковольтных проводов, тянувшихся от трассы ку-

да-то в лес. Хотя и в этом вопросе прежним хозяином было все предусмотрено досконально: в кладовой Герман нашел небольшой новенький генератор и две бутылки с бензином – на случай, если отключат ток. При помощи этого генератора вполне возможно оставаться со светом и включенным телевизором, не говоря уже о компьютере.

Помимо генератора, в кладовке – уже завезенное самим Германом – было уложено на полках большое количество консервов и спиртного. Почему бы и нет?

В самом доме было всего три комнаты – гостиная, спальня и кабинет. Чувствовалось, что этот дом строился человеком, заранее звавшим, что он будет здесь жить один. Он и жил здесь один, и то, что Герман выяснил о престижном хозяине, наводило на него тихий ужас... Однако никакие кошмары той жизни, когда-то обосновавшейся здесь, не пристали к новому жильцу. Герман чувствовал себя в доме вполне спокойно, комфортно, хотя и держал всегда при себе небольшой пистолет «Иж-71», да и замки на дверях были внушительными.

Как и всякий нормальный человек, просматривающий криминальную хронику, он понимал, что в округе могут найтись желающие поживиться чужим имуществом, поэтому совсем уж в безопасности почувствовать здесь себя он не мог. Но и способа, как защититься от воров или бандитов, он тоже не видел. А потому старался об этом совсем не думать.

Он переехал в киселевский лес летом. Тогда же, рассла-

бывшись на свежем воздухе и размечтавшись, он купил себе два десятка взрослых курочек (благо прежний хозяин построил теплый сарай) и все это время находил истинное удовольствие в том, чтобы каждый день около полудня вынимать из ящиков, устланных соломой, свежие яйца.

Но если поначалу у него много времени уходило на обустройство и привыкание к новым условиям жизни, и свое творческое безделье он оправдывал именно этими обстоятельствами, то теперь, зимой, когда весь быт уже налачился и единственное, что отвлекало Германа от работы, – нечастые поездки в город за продуктами, оправдания своему нежеланию садиться за рояль уже больше не имелось...

Вернее, он садился за рояль, открывал крышку и пытался наигрывать какие-то мелодии, но потом оказывалось, что он играл свою прежнюю музыку из фильмов, и вырваться из этого круга знакомых музыкальных тем было, казалось бы, невозможно.

Иногда его спасала классическая музыка. Самая разная. Он мог часами слушать фортепьянные записи Рахманинова или Скрябина, а потом наслаждаться музыкой Нино Рота. Или начать утро с Альбини или Брамса, а вечер провести в компании с Дэнни Эльфманом или Эннио Морриконе. Он с удовольствием слушал многочисленные записи Паваротти, и иногда на него находило нечто такое, что он, закрыв лицо ладонями, словно его кто-то мог увидеть, рыдал... вначале он думал, что рыдает от нахлынувших на него чувств, свя-



занных с его разрывом с женой, и тогда он предавался воспоминаниям, углубляясь в них, – и словно видел перед собой Веронику, слышал ее голос; больше того, в какие-то моменты ему казалось, что он поступил с ней подло: предал, оставив ее одну, на растерзание влюбленного в нее по уши Михаила. Но потом он с горечью осознавал, что плачет не по своей угасшей любви к этой милой романтической женщине (к тому же очень быстро выскочившей замуж за этого самого Михаила и успевшей родить ему двоих сыновей), а по себе самом, по своей утраченной силе, – страдает именно как композитор. Что творцы, чью музыку он поглощал всем своим существом, были гениями и наверняка не мучились так, как он, в поисках новых проникновенных мелодий, а он, он... А ему уже ничто не поможет! Ни тихий лес с открытым для порывов вдохновения небом, ни отсутствие раздражающих факторов (друзья, тусовки, суета, женщины), ни бездна свободного времени, ни, как он прежде считал, талант.

На этот раз в салоне его автомобиля звучала Лара Фабиан – The Dream Within. Хотелось ехать и ехать, скользя мимо сугробов, сверкающих так, что, казалось, они посыпаны бриллиантовой пылью...

Машина въехала в лес, дорога сузилась, и Герман подумал, что, к счастью, неподалеку от этого леса находится жилой поселок Киселево с отлично налаженной инфраструктурой, и что сюда – по его же просьбе – время от времени навешиваются трактора, расчищающие путь. До самых ворот

его дома.

Багажник был забит покупками, и Герман предвкушал, как он сейчас приготовит себе салат из свежих овощей. Почему-то в такие вот затянувшиеся холодные дни ему всегда хотелось чего-то свежего, витаминного, и в магазине у него просто глаза разбегались от изобилия свежих помидоров и перцев, баклажанов и зелени.

– Только не пугайтесь! – услышал он вдруг за спиной женский голос и похолодел. Руки непроизвольно повернули руль, и машина врезалась носом в мягкий пышный сугроб. – Я забралась к вам в машину, когда вы на стоянке разговаривали с каким-то мужиком... просто у меня проблемы, и мне пока что негде жить. Я знаю, кто вы и где живете, читала в каком-то журнале. Да и внешность у вас запоминающаяся. Красавчик такой!

Герман медленно повернул голову, уверенный в том, что прямо ему в лоб окажется направлено дуло пистолета. Примерно такого же, как его «Иж-71». И не приготовит он себе салат. И вообще, он никогда не выйдет из машины. И весь дорогой кожаный салон его автомобиля кто-то долго будет потом отмывать от крови... Вот такие идиотские мысли у него в голове крутились, пока он не встретился взглядом с ярко-синими глазами худенькой русоволосой девушки в золотистой курточке с капюшоном, отороченным мехом рыжей лисицы. Оружия у нее в руках не было.

Голос у нее был приятный, хрипловатый, чувствовалось,

что она курит. Глаза смотрят весело и одновременно умоляюще.

– Я не понял: вам что от меня нужно? Деньги? – хрипло спросил он.

– Пожить у вас, чтобы меня никто не нашел.

– Проблемы на личном фронте? – Он и сам не понял, откуда у него взялся этот ироничный, ничем не оправданный тон. А вдруг у девушки на самом деле серьезные проблемы, а он подшучивает над ней? Или после испуга его бросило в другую крайность?

– Да, можно сказать и так, – с ее нежного лица сошла улыбка. Да и румянец тоже исчез, как будто его кто-то стер.

– Но я живу один не потому, что мне не с кем жить, а потому, что мне нужно работать... я не смогу заниматься своими делами... Вы же знаете...

– Да все я знаю, – устало проговорила она и мгновенно словно бы стала старше. – Вы же Герман Родионов, верно? Это же вы написали музыку к фильмам «Моя мать – кукушка» и «Чужая кровь», так? И еще многое другое... К спектаклю «Маргарита никогда не вернется» и «Один страх на двоих»...

*Я не удивился. Многие меня знают – даже в лицо. Хотя обычно композиторов узнают по их музыке. Но я же не проигрыватель, чтобы от меня постоянно исходила музыка! Словом, я не знал, как мне отреагировать на то, что в мою*

*машину, пока я беседовал на парковке возле супермаркета с приятелем, забралась незнакомая девушка с какой-то проблемой. Быть может, будь я помоложе, я бы не растерялся так сильно. Или же я продолжал разыгрывать уже не только перед собой, но и перед незнакомкой свою чрезмерную занятость, словно присутствие в моем доме постороннего человека может помешать мне рождать каждый день по гениальной мелодии? Как бы то ни было, но воспитание не позволило мне открыть дверцу машины и вытряхнуть мою неожиданную пассажирку в сугроб.*

– Хорошо, поедem ко мне, а там видно будет, – сказал он уныло, с трудом представляя себе, как будет строить отношения с этой девицей. И в какой роли выступит – обвинителя или защитника?

– Вот спасибо!

Больше она до самого дома не проронила ни слова. Герман посматривал на нее в зеркало – она сидела, с задумчивым видом уставившись в окно, и видно было, что она страдает. А он пытался представить себе, что же могло ее заставить залезть именно в его машину? Словно это не он, а она живет в глухом лесу, без друзей и родственников, у кого можно было бы перекантоваться, переждать тяжелое для себя время. А если она все это выдумала, чтобы забраться в его берлогу и стрясти с него деньги? Но наличных у него в доме совсем мало, в городе, как правило, он расплачивается

карточками. Золота и драгоценностей у него тоже нет.

– Я не воровка, – вдруг произнесла она, словно услышав его мысли.

Он промолчал. Даже не выказал ей своего удивления. Постепенно он находил способ общения с ней – как можно больше молчать и ничем не выдавать ни своего любопытства, ни удивления, ни тем более сочувствия. И еще – общаться с нею только на «вы». Так будет проще.

– Я помогу? – спросила она, когда Герман, проехав во двор и заперев за собой тяжелые массивные ворота, открыл багажник, чтобы достать оттуда многочисленные пакеты с едой.

– Давайте, – проговорил он неуверенно.

– А у вас скромный домик... ну просто совсем скромный. Я думала, что у миллионеров не такие дома. – Она говорила с какой-то грустью, словно жалела его. – Хотя для одного вполне достаточно...

Они поднялись на крыльцо, и Герман показал, куда нести пакеты.

– О! Уютненько! Чистенько! – сказала она и опустила тяжелые пакеты на пол. – И тепло. Еще раз извините меня за то, что я напросилась к вам.

Он продолжал молчать, ожидая, что она сама не выдержит и все-таки признается ему, почему села именно в его машину. И еще он загадал. Если эта девица в его отсутствие, то есть пока он будет загонять машину в гараж, начнет хозяйни-

чать в его доме, раскладывать продукты, открывать шкафы и холодильник, то он выпроводит ее уже сегодня. Он не любил таких самоуверенных девиц, которые повсюду чувствуют себя как дома.

– Вы уж простите, – крикнула она ему вдогонку, когда он собрался выйти из кухни, – но я не стану разбирать ваши сумки! А курить у вас можно?

– Нет, нельзя, – бросил он резко. Он действительно не любил, когда в доме курили. Он мог покурить сам, там, где ему нравится, но посторонние не должны были отравлять чистый лесной воздух.

– Тогда я покурю на крыльце, – сказала девушка и последовала за ним. Устроилась на крыльце и, нервно сбивая носком ботинка снег со ступенек, запалила сигарету.

Она, похоже, продолжала читать его мысли!

Тогда он подумал: «А может, мне переспать с ней?»

И она тотчас ответила:

– Вообще-то я выбрала вас совсем не потому, что я такая уж меломанка, просто обстоятельства моей жизни сложились таким образом, что мне потребовалось скрыться, а под рукой как раз оказалась газета с вашим интервью, где вы пишете, что снимаете дом в киселевском лесу. Дело в том, что эта местность мне очень хорошо знакома, неподалеку отсюда находится один поселок. Думаю, вы там бывали много раз. Так вот, у меня там жила подруга, и я часто приезжала к ней в гости. Вот откуда мне известен этот лес. Словом, так

уж все сложилось, что я подумала – именно в этом лесу-то мне и надо спрятаться.

«Нет, слава богу, мысли она не читает», – подумал Герман. А вслух сказал:

– Почему же вы не попросились к этой подруге?

– Я знала, что вы так скажете! Но она там уже давно не живет. У нее... Словом, мне туда теперь нельзя.

– А ко мне, к совершенно незнакомому мужчине, можно? – мягко упрекнул он ее.

– Понимаете, есть такие люди, с которыми ты чувствуешь себя в безопасности... Такие, как вы, например. Вы – известный человек, к тому же у вас светлая душа... Об этом говорят ваши чудесные мелодии. Словом, я выбрала вас.

– А если я все же не соглашусь?

– Тогда я переночую в вашем сарае. Думаю, старый плед у вас найдется, – сказала она и отвернулась.

Утверждать, что мне не было любопытно, что же случилось с этой девушкой, означало бы солгать самому себе. Хотя предположений у меня возникло великое множество. Одна только личная жизнь молодой особы может дать обильную пищу для размышлений: бросил парень, бросила парня, изменил парень, изменила парню... Звучит просто, а как сильно все эти дела могут травмировать психику? Или просто-напросто разрушить жизнь! Может, и она, эта девушка, пришла ко мне, прижимая к груди свою разрушенную жизнь, а я и не заметил? Но разве мне не достаточно было того взгляда, каким она смотрела в окно? Взгляда, от которого у меня мороз шел по коже и хотелось взять ее за руку и спасти...

Между тем Герман, разложив продукты, принялся готовить обед. Конечно, будь он один, он и по кухне двигался бы проворнее, и, нарезая салат, постоянно хватал бы кусочки сочных овощей и заталкивал их в рот. Сейчас же, под пристальным взглядом незнакомки (они все еще не познакомились!), он просто старательно все нарезал и складывал в большую прозрачную салатницу.

– Как волшеббно пахнет укроп, – наконец сказала она. – Да, кстати, меня зовут Нина. Правда, ужасное имя? Когда кто-то хочет со мной познакомиться, я всегда представляюсь самыми разными именами. В зависимости от настроения. Или



от того парня, который ко мне клеится.

Она была очень красива. Вот что было самым главным и что давало ей право так нахально вторгаться в чужие жизни. Она знала, что ей все простят потому, что она красива. Что любой мужчина, к которому она пристанет со своими проблемами, не сможет отказать ей сразу – уже хотя бы потому, что ему захочется рассмотреть ее хорошенько: ее нежное лицо, блестящий, словно чисто вымытый и насухо вытертый розовый носик, огромные синие раскосые глаза, белые зубки, такие белые и ровные, что ими тоже хочется любоваться, не говоря уже о полненьких аккуратных губках. Спутанные, но чистые волосы до плеч – они мешают ей, и она постоянно закидывает их за спину, путая пряди еще больше. Под курточкой у нее оказалось стройное, какое-то узкое тело. Серый пушистый свитер, черные брючки, сапожки. Все такое простое и в то же самое время отлично сидевшее на ней и уютное, как и она сама. Удивительно, что природа наградила женщину неким особым свойством – даже в чужом доме чувствовать себя комфортно и как-то очень уж по-женски. С одной стороны, в мой день она ворвалась нагло – просто забралась в открытую машину. С другой – сидела смирненько за столом и просто наблюдала, как я режу салат. Никаких хозяйских выпадов, которые так раздражают меня, вроде: «Господи, да давайте я нарежу салат!» – не было. Она ясно понимала, где находится, что ей можно, а что нельзя.

– У меня есть суп, очень вкусный, с грибами, – сказал Гер-

ман. – Будете?

Она как-то неопределенно пожала плечами. Конечно, она была голодна. Мало того что на улице зима и почти все время хочется есть (Герман судил по себе), к тому же надо учесть: чтобы создать себе проблему и испытать всю положенную в этой ситуации душевную боль – тоже требуется время, плюс – неизвестно, где она поджидала его: может, торчала у супермаркета, зная, что он по пятницам приезжает туда за продуктами... неужели она за ним следила?!

– Вообще-то я за вами следила, – она кивнула головой, снова прочитав его мысли. – Даже такси нанимала. Но просто взять и приехать в лес я не посмела.

– Может, вы все-таки расскажете, что с вами случилось?

– Да так... неприятности.

– И что же, во всей Москве не нашлось ни одного человека, который пустил бы вас под свою крышу и оказал вам помощь? Это как же надо прожить жизнь, чтобы не обрести друзьями? Знаете, у меня существует своя философия на этот счет. Если человек никому не делает добра, то и ему тоже никто и ничего не сделает. Может, это покажется смешным, но я придерживаюсь... теории пожара.

– Пожара? – Она взяла листик салата и принялась его нервно грызть.

– Ну да! Вот, если, к примеру, у вас сгорит дом, вам будет к кому пойти?

Он не успел договорить, как она уже ответила:

– Нет! А у вас?

– У меня есть такие друзья, которые примут меня, голого и босого, голодного и без жилья, и поселят меня у себя хоть на веки вечные, – ответил Герман не без гордости. – И они знают, что двери моего дома всегда открыты для них.

– Станный вы человек, Герман! А как же ваше затворничество? Вы же сами сказали в интервью, что никого не хотите видеть.

– Это же временно! Просто мне надо закончить одну важную работу.

– Музыку к очередному фильму? – Нина улыбнулась так нежно, что он невольно устыдился своего недавнего намерения отказать ей в гостеприимстве.

– Да, – солгал он, потому что никакого нового заказа у него давно уже не было. Вернее, он уже сдал последнюю работу, причем фильм готовился к выходу, и его друзья, видевшие материал, считали, что весь фильм вытянет именно его музыка.

– Какая же у вас интересная работа!

Она продолжала сидеть за столом с видом случайной гостьи и даже, что называется, ухом не повела, чтобы помочь Герману накрыть стол.

– Понимаете, сиюю я тут у вас и чувствую себя крайне неуверенно, – неожиданно сказала она, словно оправдываясь. – Вы, насколько мне известно, холостяк, у вас установились свои привычки, и, возможно, вы не любите, когда по-

сторонние люди прикасаются своими руками, – она скорчила гримаску отвращения, как если бы ее собственные руки были грязными и липкими, – к вашим тарелкам и кастрюлькам. Вообще-то я умею все делать, готовить...

– Да-да, вы все правильно понимаете. – Он и сам не понял, зачем это сказал. Да и вообще, он еще не разобрался в себе – хотелось ли ему, чтобы она продемонстрировала ему свои женские хозяйственные способности, или нет? Но уже то, что она объяснила ему свою пассивность, показалось ему милым.

Он готов был сам расспросить ее, что же с ней такого случилось, почему она подстроила это странноватое знакомство, как вдруг услышал:

– За постой в вашем доме я готова заплатить столько, сколько вы скажете. У меня есть деньги.

Сказано это было не то чтобы с достоинством, но как-то просто, естественно, что тоже понравилось Герману.

– ???

– Понимаете, все это крайне серьезно... Поэтому ваше согласие я расценю, как... как работу, если хотите!

Она широко раскрыла глаза, и Герману показалось, что они увеличились чуть ли не вдвое. Чудесная загадочная девушка! Из-за таких стреляются, принимают яд или бросаются с крыши.

– Давайте сначала пообедаем, а потом вы все мне расскажете, – сдержанно произнес он.

– И вы уверены, что хотите все знать?

– А как бы вы поступили на моем месте?

– Просто пустила бы человека к себе под крышу, поверив ему на слово.

– Но и вы тоже должны понять меня. Вот если бы я, к примеру, сбил вас (не дай бог, конечно!) на дороге, словом, слегка травмировал и привез бы к себе, предложив вам пожить у меня до окончательного выздоровления, тогда бы все было понятно. Или просто познакомился бы с вами в том же супермаркете, случайно оказавшись свидетелем семейной драмы, в ходе которой ваш муж или, например, любовник ударил бы вас... Улавливаете мою мысль? Вот тогда бы я сам, скорее всего, поддавшись эмоциям, предложил вам свой кров. А так? Что получается в действительности? Вы выслеживали меня, причем сами в этом признались. Зачем? Почему вы выбрали именно меня?

– Мне показалось, что я все объяснила – вы внушаете мне доверие! И именно газета с вашим интервью попалась мне под руку! Я восприняла это как знак судьбы.

– Но не слишком ли все сложно, учитывая сложившиеся обстоятельства? Насколько я понял, у вас проблемы именно в личном плане?

– Да как вам сказать... – Она с благодарным видом приняла из его рук тарелку с дымящимся супом. – Просто я убила мужа, а потом – и его друга.

Герман подумал: хорошо, что тарелка с огненным супом

оказалась у нее руках – иначе он бы уронил ее, предварительно здорово ошпарившись. Ну и шуточки у этой девицы!!!

– Ну и шуточки у вас! – покачал он головой. – Я же мог обвариться!

– Но я не шутила, – поджав губы, проговорила она обиженно. – Разве такими вещами шутят?

– Конечно, шутят! Знаете, подобные вещи, точнее, такие слова, как «убила» или «убийство», лучше не произносить вслух. Сами же знаете, что слово может стать фактором материальным.

– Я застрелила их обоих. Не уверена, что меня ищут... Постараюсь объяснить. Понимаете, я попала в очень нехорошую историю. Сначала – любимый муж и все такое... Полное ослепление. – Она, перед тем как отправить ложку в рот, подула на горячий суп. – Мой муж занимается... точнее, занимался бизнесом. И задолжал своему другу довольно-таки крупную сумму. Что-то у них там не получилось, и друг потребовал, чтобы мой муж расплатился... *мною!* Они заманили меня на дачу. И это зимой, представляете?! Вокруг – ни души. Объяснили мне все на пальцах, как идиотке, – мол, соглашайся, ничего же особенного! Хорошо, что при мне был пистолет мужа, я словно чувствовала, что он мне может пригодиться.

Герман вдруг расслабился и облегченно расхохотался. Пистолет! Это многое объясняет. Девушка обладает превосходным чувством юмора!

– Вы мне не верите?

– Нет-нет, что вы, конечно же, верю! Каждая нормальная девушка начинает день с того, что кладет в сумочку пистолет своего мужа – мало ли что, а вдруг пригодится? Жизнь-то нынче какая! Полная всяких опасностей! К тому же такую красивую девушку, как вы, вероятно, так и хочется куда-нибудь умыкнуть, на дачу ли или еще куда-нибудь.

– Ну и ладно! – Она вдруг улыбнулась во весь рот и потрянула головой, мол, проехали. – Не хотите – и не верьте! Знаете, очень вкусный суп. А где вы покупаете сметану к нему? Она прямо как деревенская.

– В деревне и покупаю, неподалеку, в Уваровке.

– Отлично! И вообще, у вас тут – просто рай. Думаете, я не заметила ваших курочек? На белом снегу – чернушки и пеструшки... Наверное, вы и яйца свежие каждый день едите?

Она заговорила – после того, как он практически поднял ее на смех, – очень манерно, покачивая головой, постоянно и как-то нарочито улыбаясь. Вот и тему для разговора нашла такую, чтобы поддеть его: мол, великий композитор – и курочек выращивает. Хотя какой он, к черту, великий?!

– Знаете, я очень люблю на завтрак хлеб с маслом и яйца всмятку. Просто мечта!

Герман, вздохнув (в голове у него промелькнула мысль, что в его доме загостилась сумасшедшая), принялся раскладывать салат по тарелкам. И вдруг поймал себя на мысли,

что ухаживает за совершенно чужим человеком, расшаркивается перед неизвестной женщиной, которая не удосужилась даже рассказать ему «историю своей жизни», разрыдавшись при этом на его плече. То есть эта Нина ведет себя совершенно не по-женски. Плюс еще это нелепое и унижительное для него предложение – заплатить ему за постой. Бред какой-то!

– Знаете, я понимаю, что вы в шоке от моего пребывания здесь и считаете, вероятно, меня нахальной и скверной особой.

Герман даже жевать перестал, настолько он удивился из-за того, что в голосе Нины слышались слезы.

– Я и сама сейчас понимаю, насколько по-идиотски все это выглядит со стороны! Я-то выбрала вас в качестве своего защитника, действуя исключительно в своих эгоистических целях и уж, конечно, нисколько не заботясь о вашем душевном состоянии... А теперь, находясь здесь и осознав, что вы спрятались в этом лесу, в этом доме вовсе не для того, чтобы стать чьим-то защитником и благодетелем, и у вас, когда вы сбегали сюда, были свои, вполне определенные планы... я понимаю, что поступила по отношению к вам... отвратительно! Знаете что, Герман, я все доем, и, пожалуйста, ответьте меня обратно. То есть к супермаркету. Пусть меня арестуют, если догадаются, конечно, что это я убила тех двух негодяев.

– Нина! – заорал он, чувствуя, что начинает терять терпе-



ние: за время ее монолога он, уже успев попасть под ее влияние, понял, что готов хоть удочерить ее! – Что вы такое несете, право?! Вы бы лучше рассказали, что произошло с вами на самом деле, и мы подумали бы, как вам помочь! Может, я бы подсказал вам, где снять квартиру. Хотя вы сами сказали, что у вас есть деньги? Знаете, я уже ничего не понимаю!

– Вам и не надо ничего понимать. Лучше поставьте чайник. Очень чаю хочется! Думаю, что положили в салат слишком много лука и чеснока, у меня внутри все горит.

Герман встал, налил в чайник чистой родниковой воды (которую он привозил из Каменки), включил его. Движения его были автоматическими. Если бы его спросили через пару минут, поставил ли он греться воду, он вряд ли бы ответил уверенно – да или нет.

Так же машинально он вымыл заварочный чайник и приготовил его для ошпаривания горячей водой. Достал из буфета коробку с черным чаем. Отвернулся к окну, зажмурился, тотчас представив себе, что, обернувшись, он не увидит за столом Нину. Какие бы чувства он испытал? Облегчение? Да? Это на самом деле так? Или он расстроился бы, что снова остался один, а впереди – еще целый вечер, наполненный тишиной или чужой музыкой, и до такого уровня ему никогда не дотянуться?!

– Нина, давайте поговорим начистоту, – предложил он, смело глядя ей в глаза, в душе побаиваясь, однако, увидеть в них какие-либо признаки ее сумасшествия. – Вы – нормаль-

ная девушка? Вы случайно не сбежали из психушки?

– Нет. А что, похоже? – Она совершенно не обиделась. Только нервно улыбнулась.

– Но согласитесь, что нормальная девушка не расскажет первому встречному о том, что она буквально только что совершила два убийства! Не так ли?

– Так я же пыталась объяснить вам, что вы – не первый встречный! Что я выбрала именно вас! Я и раньше представляла вас себе именно таким... порядочным, добрым, нежным... Об этом свидетельствует ваша музыка! И, конечно, немаловажный факт – что вы живете в лесу, то есть в полном уединении, и маловероятно, что меня у вас кто-то увидит. Поймите и меня: а что, если меня все-таки вычислят?

– Давайте так. Вы мне рассказываете, как все произошло, и потом я решаю – оставлять вас у себя или нет. Идет?

– Идет. Да только я ведь вам уже все рассказала! И не думаю, что вам нужны подробности. Поймите, наконец, что мой муж, Вадим, оказался порядочной дрянью, просто сволочью. Он привез меня на дачу, куда спустя несколько минут приехал и его друг, Андрей. Я поставила чайник, потому что очень замерзла. Словом, мы сели за стол, и вот тогда-то Вадим и объяснил, что он привез меня сюда специально для того, чтобы я осталась с Андреем – на три дня. Он задолжал Андрею, и я, как его жена, должна помочь ему расплатиться... вот в таком духе! И что мне было делать?!

– Но... – Герман решил подыграть ей, все еще не веря в

то, что она говорит правду. – Ведь ты же могла просто взять и сбежать!

Он и не заметил, как перешел на «ты».

– Так я и сбежала, предварительно пальнув в них обоих из пистолета, – она пожала плечами.

– А пистолет откуда взялся?

– Вадим сам разрешил мне носить его с собой. Просто однажды на меня напал какой-то маньяк, хотел меня в лифт затащить. Еле отбилась. Мне было так противно, так мерзко, что я пнула его каблуком в живот, потом еще куда-то... Словом, после этого случая Вадим и сказал, что я могу брать его пистолет.

– Документ, позволяющий тебе носить оружие, у тебя имеется?

– Разумеется, нет!

– Но если, как ты говоришь, ты убила двоих человек... Да, кстати, а ты уверена, что они мертвы?

– Абсолютно.

– Хорошо. А обо мне ты подумала? Что, если тебя все-таки найдут у меня? Ведь ты подсела ко мне в машину возле супермаркета, а там всегда полно людей. К тому же ты сама видела, как я разговаривал со своим знакомым.

– Меня никто не видел, я точно знаю.

– Но у меня могут быть неприятности!

– А что мне было делать? – повторила она свою недавнюю фразу.

– В смысле?

– Если ты сдашь меня, то я вынуждена буду сказать, что ты помогал мне. И знал о том, что я собираюсь убить своего мужа и его друга!

У Германа резко схватило живот.

Она осталась. Герман постелил ей в своей спальне, сам же лег, как это и предполагалось, в гостиной, на диване. После ужина он, испуганный, обиженный, пребывавший в шоке от того, что он совершил по своей же глупости, практически все время молчал. Разве что бросал своей «гостье» через плечо: «Постель я постелил» или: «В ванной комнате найдешь чистое полотенце и халат». Он бы еще все это пережил, если бы убедился – она просто сумасшедшая. В крайнем случае, он бы ее запер в чулане. Но все случившееся после того, как она заперлась в ванной комнате, свидетельствовало о том, что сказала она ему чистую правду.

Пользуясь случаем, он вошел в спальню, куда она притащила свою небольшую дорожную сумку (сумка, брошенная Ниной на заднем сиденье его автомобиля, лишний раз доказывала тот факт, что она на самом деле ушла из дома с вещами и собиралась где-то какое-то время перекантоваться), и, осмотрев ее багаж (белье, плеер с наушниками и черный, тяжелый на вид пистолет), понял, что она на самом деле совершила убийство. Конечно, дуло пистолета он не стал нюхать (откуда-то он знал, что дуло после выстрела должно пахнуть порохом), побоялся даже, обмотав пальцы носовым платком, взять его в руки. Ему вполне хватило ее угрозы. Ведь она ясно сказала ему: в том случае, если он ее сдаст,

она вынуждена будет заявить в милиции, будто он помогал ей в планировании преступления.

И что теперь? Ждать, когда она сама уйдет от него? И когда же наступит это прекрасное утро, когда он, проснувшись, не обнаружит ее в своем доме? Через неделю? Месяц?.. И что ему все это время делать? Продолжать жить, не обращая на нее никакого внимания? Или же искать способ, как бы поскорее с ней расстаться без тяжелых для себя последствий?

Позвонить Леве Рубину, продюсеру, и объяснить ему все в двух словах? У Левы большие связи, кроме того, он очень умный человек и мало чего (кого) боится. Он непременно подскажет ему, как выпутаться из этой дикой ситуации.

Было часов десять вечера, когда он активно вспоминал Леву и даже представлял себе их разговор, как вдруг раздался колокольный звон – это ожил телефон. И кто же позволил себе потревожить его?

– Привет, Гера, – услышал он знакомый жирненький голос, и от радости или удивления, а скорее всего, от того и другого, у него забегали мурашки по позвоночнику. Лева!

– Лева, это ты?

И практически в это же самую минуту из ванной комнаты выплыло существо, замотанное в его махровый халат и источающее густые мыльно-парфюмерные ароматы. Нина. Имя-то у нее какое кроткое, миленькое, мягонькое! А на самом деле она – зверь, хищник, убийца!

– Извини, что так поздно, понимаю, что ты наверняка

уже увяз в своих перинах... – Лева говорил быстро, но сейчас Германа это не раздражало, наоборот, он был до визга рад звонку и этой Левиной манере – быстро озвучивать свои мысли. Краем глаза Герман увидел, как Нина прошмыгнула в спальню и прикрыла за собой дверь. – Коровин позвонил, он затевает одну экранизацию. Говорит, что хочет только твою музыку, просто спит и видит! Точнее, слышит твою музыку, и если ты поможешь ему, то получится настоящий шедевр. Он говорит – готов извиниться за то, что произошло два года тому назад, ему дико стыдно, он заплатил тебе на двадцать процентов меньше, чем обещал, но сейчас, знаешь ли, он при деньгах. И он готов сделать для тебя все, лишь бы ты только согласился. И еще – музыку надо написать до лета. Это непереносимое условие! Человек, спонсирующий фильм, – его имя не будет даже значиться в титрах, – но мы-то с тобой знаем, кто это! Словом, он тоже завелся этой идеей.

– Постой, а кого экранизировать-то?

– Бунина, в фильме пройдут темы нескольких его повестей или рассказов. Словом, такая фантазия на тему Бунина... ты же лирик, Герман, вот они и решили, что фильм можешь спасти только ты!

Герман вновь испытал сильнейшее волнение, как и в ту секунду, когда только услышал голос Левы, причем волнение приятнейшее. Бунин! В его пустой голове и пустой душе тоже словно произошло пусть вялое, но все равно движение. Ах ты, импотент несчастный!

– Что будем делать? – Как ни странно, но этот вопрос задал не Лев, а Герман – своему продюсеру.

– Это ты у меня спрашиваешь?! По-моему, мой друг, все складывается как нельзя лучше! У тебя сейчас идеальные условия для творчества, ты живешь в лесу, в тишине, тебе никто не мешает, вокруг тебя не крутятся все эти бабы, да и твоя жена, по-моему, тебе больше не докучает, так? Думаю, до лета у тебя еще куча времени, ты все успеешь. К тому же условия – великолепные! – и Лева выкрикнул в трубку сумму обещанного гонорара. – Это разовая выплата, плюс, как ты понимаешь, проценты от проката фильма и телевизионного показа. Понятное дело, что и все остальное, связанное с использованием твоей музыки, будет под моим строжайшим контролем.

Герман вдруг подумал, что этот звонок Левы не случаен, как и не случайно вообще все, что делается и происходит вокруг него. В последнее время он, сгорая от стыда перед самим собой, жил в полной творческой пустоте, в пустыне, и вот ему предлагают работу, и какую! Музыку к экранизации Бунина! Судя по бюджету, планируется роскошный проект, и надо быть круглым идиотом, чтобы от него отказаться. А что, если именно Бунин и пробудит его от спячки и волеет в него новые силы?

Он на какой-то миг зажмурился, представляя себе широкий экран и заставку – длинная, утонувшая в молоке тумана аллея и белый, призрачный дом с балконом, на котором сто-



ит главная героиня. Или, предположим, Митя из «Митиной любви»... с пистолетом у виска.

– Да, кстати, я вспомнил, – услышал он в трубке Левин голос. – В основе сюжета – повесть Бунина «Митина любовь».

И вновь Герману стало не по себе, как в тот миг, когда ему казалось, что Нина угадывает его мысли.

– Хорошо, Лева, присылай мне проект контракта, ячитаю.

– Но потом тебе все равно придется приехать в Москву, надеюсь, ты это понимаешь? Коровин должен обсудить с тобой концепцию фильма, – захохотал ему в ухо Рубин. – За водочкой и поговорите!

– Лева, прекрати издеваться. Я все понял и, когда понадобится, приеду.

– А ты там не скучаешь? Или, может, тебе что-нибудь нужно? – не унимался Лева.

– Да, нужно. Побывать одному, почитать на досуге.

– На досуге?! Ха-ха-ха! Уж этого-то добра у тебя – вагон! Почитай-почитай Бунина, глядишь, проймет тебя до пят! Я, честно говоря, после разговора с Коровиным сам открыл Бунина, полистал. Кстати, «Митину любовь». Многое вспомнилось. Подумал, что мы как-то неправильно живем. Несемся куда-то, как шальные... Людей вокруг себя не видим. Их беды и страдания. Больше того, мы словно привыкли к чужим страданиям, и они нас больше не трогают.

– Лева!

– Я серьезно. Вот, к примеру, у меня за стеной одна семья живет. Вернее, не семья, а так – обрубок семьи. Какая-то женщина, я ее даже никогда не видел, постоянно орет на свою больную мать. А у матери, судя по всему, склероз, и она ничего не помнит. И дочь так орет на нее, так выражается, что у меня стены дрожат! Она унижает ее такими словами, что мне все время хочется вычислить эту квартиру. Понимаешь, они не в нашем подъезде живут, а в пристройке. Словом, я никогда, повторяю, никогда не видел эту грымзу. У нее низкий прокуренный голос, и я представляю ее себе какой-нибудь начальницей. Голос, помимо того что прокуренный, еще и властный и какой-то... опасный. Словом, не хотелось бы мне пересечься с ней по жизни! Я не из слабаков и не из нервных типов, но мне кажется, что если я увижу ее, то и сам наговорю ей много всякого-разного. Знаешь, я думаю, что она специально роняет инвалидную коляску, в которой передвигается по квартире ее мать, может, она даже бьет мамашу, потому что старуха потом, после этого страшного грохота и шума, потихоньку скулит.

– Ты серьезно?! – Герман был потрясен представшей в его воображении картиной. – Почему же ты до сих пор не узнал номер этой квартиры, не поговорил с этой бабой, не вызвал милицию, наконец? Или записал бы весь этот шум и оскорбления на диктофон!

– Когда-нибудь я это непременно сделаю, да, сделаю. И я бы уже давно так поступил, да только чувствую, что окунусь

при этом в такую человеческую вонь, в такую помойку! Я имею в виду отношения между этими бабами. А мне сейчас нельзя испытывать негативные эмоции. У меня много работы, я прихожу домой поздно, подолгу лежу в ванне, обдумывая свои дела, а потом – в постель... Представляешь, у меня нет даже любовницы!

– А Лиля?

– Она хочет замуж, понимаешь? А какой из меня семьянин? Я не умею жить вдвоем с кем-то. И тем более втроем.

– Но тебе уже пятьдесят!

– Ну и что? Вот ты женился рано, у тебя была семья, жена-красавица, Вероника твоя. Почему ты с ней не остался?

– Она требовала к себе внимания, а я писал музыку.

– Красивая история! Вот и у меня так же. Они все хотят внимания, а у меня на них нет сил. Ладно, старик. Я позвоню тебе завтра. Почитай Бунина на ночь. Почитай!

Герман чуть было не крикнул: «Постой, старик, не отключай телефон, поговори со мной еще, мне страшно, у меня в доме какая-то сумасшедшая, неизвестно, что она выкинет!» Но не крикнул. Стоял с телефоном в руке, в каком-то оцепенении, где-то под ребрами было такое неприятное чувство, словно туда лед засунули.

Как бы все хорошо сложилось, если бы к нему в машину не подседа эта особа! Радовался бы новому заказу, читал бы Бунина, сочинял музыку...

Он подошел к двери спальни, постучал. Он и сам не знал,

зачем хочет видеть Нину.

– Да, открыто, – услышал он и разозлился, что ему в собственном же доме позволяют войти в собственную спальню.

Он вошел и увидел Нину, по-прежнему укутанную в халат, усевшуюся по-турецки на постели и рассматривавшую ногти.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила она ласково, как если бы это он снимал у нее комнату.

– Послушайте, Нина, – он порывистым движением опустился на краешек кровати и, чувствуя, что не владеет собой, взмолился: – Прошу вас, оставьте меня! Я не знаю, что такое произошло в вашей жизни... вы рассказали мне душещипательную историю... Я понимаю, всякое могло с вами произойти, но у вас своя жизнь, а у меня – своя. Мне только что позвонил мой продюсер, с завтрашнего дня у меня начинается работа. Мне поручили написать музыку к фильму. Я не смогу работать, творить, когда мне кто-то мешает! Если хотите, я дам вам денег, и вы снимете дом где-нибудь поблизости, если вам так уж нравятся эти места. Только оставьте меня, очень прошу вас!

– Но я не могу! Я же вам все объяснила! Я не хочу в тюрьму! Если я поселюсь в другом месте, то меня сразу же заметят, вычислят и сдадут, а вы – нет. Вы – хороший, добрый, великодушный человек, мне вас бог послал! Вы были когда-нибудь в тюрьме?

– Упаси господь!

– Вот! И я тоже туда не хочу. Тем более из-за каких-то подонков!

– Хорошо, тогда ответьте мне на один вопрос. Вы сказали, что убили двоих человек...

– Они не люди, они – нелюди!

– Но кто вам дал право судить их?

– Послушайте, я не судила их. Просто я защищалась, понимаете? К тому же я находилась в таком состоянии...

– Но вас же не пытались изнасиловать? Вы могли просто убежать.

– А я и убежала! Но предварительно пальнула в них.

– И что вы сейчас чувствуете?

– Вы хотите знать, не переживаю ли я? Не испытываю ли я страха перед их призраками и все такое прочее? Так вот – нет и еще раз нет! Я рада, что никогда в жизни не увижу больше этих подонков!

– Но ведь когда-то вы любили своего мужа?

– В том-то и дело... – Голос ее дрогнул. – Я любила, я воспринимала его как свою защиту, опору, у нас с ним все хорошо было... И вдруг – такое! Нет, вы только представьте себе, что ваша жена, например, заявляется к вам и требует, чтобы вы переспали с ее подружкой, которой она задолжала крупную сумму! И подружка – вот она, тут же рядом! Начинает раздеваться... Поначалу вы, может, воспримете все это как дурную шутку. Даже рассмеетесь, а потом поймете, что шутка-то пошлая, мерзкая, если вы, конечно, культур-

ный человек!

– Я все понимаю. Но стрелять-то я в жену не стану!

– Знаете что? Не зарекайтесь! Когда-нибудь и вам тоже захочется пальнуть в кого-нибудь. Просто вам повезло, что у вас не возникло таких жизненных обстоятельств!

– И вы не каркайте!

А он, оказывается, снова перешел с ней на «вы». Но все не из-за уважения к ней, а чтобы подчеркнуть – что они слишком далеки друг от друга.

Самое время было пригрозить ей – несмотря на то что она задумала в отношении его, он готов сию же минуту позвонить в милицию и сдать ее – тотчас. Но он не сделал этого. Смалодушничал. И подумал как бы вдогонку своим чувствам: он таков, каков есть. А будь он другим человеком, то и музыка его была бы другой. Кроме того, все знают, что он – человек с фантазией, с тайной, а потому... пусть себе поживет в его доме эта малахольная! Даже если она – убийца. Если все это и раскроется – ну и что? Он мысленно увидел заголовки в газетах и журналах (Рубин-то расстареется, когда почует шанс на бесплатную рекламу): *«В доме известного композитора Германа Родионова целый месяц (или год, два!) жила девушка-убийца»*. Или: *«Композитор и убийца – что их связывало, кроме творчества?»* Быть может, к тому времени он уже напишет музыку к фильму, и хорошая реклама автору будет обеспечена.

«Ты дурак, Гера», – сказал он, однако, сам себе, вернув-

шись в гостиную. Взбил подушку, лег на диван и укрылся пледом. На экране телевизора разыгрывались нешуточные страсти очередного мелодраматического сериала. Захотелось ему, видите ли, таких же страстей, впечатлений, острых ощущений? Пусть она поживет... Пусть.

Ночью он проснулся и понял, что забыл запереть курятник. Выглянул в окно – поднялась метель. Надел куртку с капюшоном, вышел на крыльцо и, как в холодную воду, бросился в вихри пурги. Мелкими перебежками, проваливаясь в густо наметенные, голубые от света единственного фонаря сугробы, он добрался до выложенного из кирпича курятника, посветил фонариком – все куры, похоже, живы, они сидели, тесно прижавшись друг к другу, на жердочках, мигая своими смешными нижними веками. В двух ящиках, устланных соломой, он нашел шесть розоватых, очень холодных яиц.

«Известный композитор выращивает кур в киселевском лесу...»

Вернулся в дом, дрожа от холода. Выложил свою добычу в миску, поставил ее на стол. Включил чайник.

– Что случилось? – Нина появилась ниоткуда. Стояла и смотрела на него, прислонясь к дверному косяку. Одета, но сонная, хмурая, с выражением лица, как у маленькой девочки, которую разбудили слишком рано, чтобы отвести за ручку в детский сад.

– Курочек забыл запереть, – честно признался он. А что, пусть знает, как он здесь живет, раз собралась составить ему компанию! – Испугался, что они замерзнут.

– Ну и что? Живы? – Нет, она не иронизировала.



– Живы. Даже несколько яиц принес. Хотя, думаю, скоро они перестанут нестись.

– От холода?

Он кивнул:

– Извини, что разбудил.

– Ничего. Просто я испугалась. Подумала, что ты позвонил в милицию и они уже приехали, чтобы взять меня. Тепленькую. – Она поджала губы.

– Нет, я не сделаю этого.

Она посмотрела на него так, что у него сжалось сердце. Он вдруг вспомнил ее слова о том, что ей не у кого спрятаться. Он не представлял себе, как это возможно – так прожить пусть и небольшую жизнь, чтобы не заиметь никаких друзей. Но у него своя жизнь, у нее – своя.

– Будешь чай пить?

– Буду. Мне и есть почему-то захотелось. Знаешь, когда ты кормил меня вечером, мне, если честно, кусок в горло не лез. А сейчас, когда ты внятно сказал, что не сдашь меня, у меня вдруг проснулся аппетит.

– Чего ты хочешь?

– А ты можешь поджарить эти яйца? – Она как-то криво, но ужасно мило улыбнулась, как если бы нечаянно (по привычке) попросила черной икры или трюфелей.

– Могу. Только не эти. Эти замерзли. Они не разобьются. Остекленели от мороза. Я приготовлю вчерашние?

– Хорошо.

Он поставил сковородку на плиту, бросил туда кусок сливочного масла.

И тут она соскользнула спиной по косяку, села на корточки, обняла ладонями лицо и разрыдалась.

– Ну-ну, – он бросился к ней, обхватил за плечи, поднял ее и усадил за стол. – Говорю же, все будет нормально!

Масло зашипело. Он разбил на сковородку четыре яйца, посолил. В кухне вкусно пахло.

– Конечно, мне трудно понять твои чувства, к тому же у меня характер такой, я вообще мало кому верю. Но я не мог поступить иначе – не мог искренне обрадоваться тому, что внезапно в мою жизнь вторглась женщина с таким криминальным... даже не знаю, как и сказать... прошлым или настоящим.

– Спаси меня, пожалуйста! – Она оживала прямо на глазах. Из чужой и казавшейся бесчувственной особы она превращалась в остро переживающую свою беду молодую женщину. Словно до нее только сейчас начал доходить весь трагизм произошедшего. – Вадима все равно не вернешь... Я понимаю, что поступила так сгоряча, что надо было действительно, как ты и сказал, просто убежать... Но что сделано, то сделано. Просто возмущению моему не было предела. Я так ненавидела их, так презирала, я решила, что они оба вообще не имеют права на жизнь!

– Так, успокойся, и давай подумаем, что делать. Ты же не сможешь постоянно прятаться.

– А почему бы и нет?

– Хорошо. Давай сделаем так. Я должен узнать все и понять, что же на самом деле произошло и в какой ситуации ты сейчас находишься. То есть насколько она опасна и что тебе грозит, будут ли тебя подозревать. Я должен тебя кое о чем спросить. А ты отвечай, хорошо?

– Ладно.

– Где вы с мужем жили?

– У нас квартира на Трубной улице.

– Хорошее место. А конкретнее?

– Четырехкомнатная квартира, где жили мы вдвоем – я и Вадим.

– Вот представь. Он пропал. Исчез. Кто его будет искать?

– О, да, его начнут искать... Его мать, дядя, брат... У него полно родственников.

– Они же примутся звонить тебе?

– Конечно, но я отключила телефон.

– Тогда они начнут искать и тебя!

– Вряд ли. Хотя... Даже не знаю.

– Но логика-то где? Если пропал твой Вадим, а они звонят тебе, и твой телефон не отвечает, то что они сделают?

– Скорее всего, обратятся в милицию. – И она добавила, не переставая усердно макать ломтик хлеба в желток: – Но заявление у них примут только через три дня.

– Как ты думаешь, они могут начать искать его у того... друга? Как его, кстати, зовут? Вернее, звали?

– Андрей. Андрей Вербов. Послушай... послушайте. Не знаю, как к вам обращаться. Трудно как-то, когда мы на «вы», прямо совсем как чужие.

Он хотел возразить – мол, почему это так трудно, ведь они и есть чужие, просто он хочет ей помочь, но промолчал. Ему было интересно, что произойдет дальше. Хотя разве он не понимал, что она пытается увидеть в нем близкого человека, который все понял бы и не осудил ее за совершенное ею преступление. За убийство.

– Ладно, валяй на «ты», – вздохнул он, как бы сознавая, что сдал одну из своих важнейших, принципиальных позиций.

– Да, скорее всего, они начнут искать его у этого друга, его мать знает Андрея, да и брат тоже. Правда, они его недолюбливают, и, кстати, именно из-за этой истории с долгом. Но если и станут, то у Андрея дома и уж никак не на даче. Погода-то какая в этом году! Мороз, снег! Дача, конечно, хорошая, отапливаемая, но кому придет в голову приводить ее в божеский вид в январе? Нет, конечно, бывают семьи, которые и зимой время от времени ездят на дачу и даже живут там. Но у Андрея не такая семья.

– Он женат?

– Да, его жену зовут Ирина.

– Значит, и она рано или поздно примется его искать.

– Думаю, да.

– Вот и получается, что их обоих станут разыскивать и

тебя тоже! Вы на чем приехали на дачу? И где она находится?

– Я забыла, как называется этот поселок... Солнечный, кажется.

– Вот! Машину, на которой вы приехали в этот поселок, мог кто-то заметить. К тому же как ты убежала оттуда? На машине?

– Нет. Машина, наш белый «мерс», там осталась. Я еле-еле выбралась по сугробам на шоссе, остановила какую-то машину и поехала в город.

– А потом?

– Вернулась домой, все обдумала, собралась, говорю же – наткнулась на твое интервью. Подумала: вот человек, который мне реально поможет.

– Очень странное решение! Увидела интервью... А если бы там было интервью с каким-нибудь известным певцом?

– Если бы он тоже жил в лесу, то я обратилась бы к нему за помощью.

– Откуда тебе известно, где именно я живу?

– Так ты же в интервью сам упомянул, что у тебя дом в киселевском лесу. Я приложила некоторые усилия, чтобы выяснить, где это. Сначала приехала на такси в Киселево, и вот там, в магазине, и узнала, где именно ты живешь. Сказали – почти в самом лесу.

– Кажется, не так давно ты говорила, что в Киселеве у тебя жила подруга?

– Жила, но сейчас ее там нет. Но мне вполне хватило ин-

формации, полученной в магазине. Тебя там хорошо знают и, думаю, гордятся, что ты покупаешь у них макароны. – Она слабо улыбнулась.

– И ты думаешь, что со стороны это выглядит нормально?! Что я должен как-то оправдать твой поступок, войти в твое положение и... – Он вдруг остановился, подумав, что непоследователен в своем отношении к Нине. Раз уж он принял решение помочь ей, то хватит демонстрировать ей свое недоверие и прочие негативные чувства. – Ладно... Оставим это. Давай подумаем, как сделать так, чтобы на тебя не пало подозрение в убийстве. Ты пистолет, я надеюсь, оставила там, на месте преступления? – Он спросил об этом нарочно, чтобы узнать, насколько она склонна ко лжи.

– Нет. Я взяла его с собой. Он у меня в сумке, – чистосердечно призналась она. – Мало ли...

Герман подумал, что они разговаривают, как двое сумасшедших.

– Давай представим себе, что тебя ищут, как и твоего мужа. Рано или поздно тела убитых найдут. На даче Андрея. Но тебя-то нигде нет! Разве этот факт не вызовет подозрения у следователей прокуратуры, которые вскоре займутся делом о двойном убийстве? Может, тебе стоит спокойно пожить дома и дожждаться, когда тебя допросят... Ты расскажешь, что муж уехал из дома такого-то числа, позавтракав, предположим, овсянкой, что вы были с ним в прекрасных отношениях. Друзья, надеюсь, это подтвердят?

– Да, подтвердят. Но я не такая дура, как ты думаешь! Там, на даче, я наверняка наследила. Конечно, я постаралась уничтожить следы на ручке двери и еще где-то, к чему я могла прикоснуться. Нет, я боюсь!

– Ты собираешься жить у меня всю оставшуюся жизнь?

– Нет. Я собираюсь сделать пластическую операцию, поменять фамилию и уехать за границу.

– У тебя есть на это деньги?

– Да, они у меня с собой, в сумке. Это деньги мужа. Он как раз собирался покупать какие-то компьютеры... Триста тысяч евро.

– Сколько?! Постой... – У Германа сердце в груди забухало так, словно ему сказали, что он выиграл миллион. – Но если у твоего мужа были такие деньги, да еще наличными, то почему же он не расплатился с Андреем?

– Вот и я тоже так подумала! Он решил сэкономить – на мне!

Он смотрел на нее и в который уже раз спрашивал себя – адекватна ли она? Все, что она рассказывала, не вызывало у него доверия. Однако пистолет он видел. Осталось выяснить, на самом ли деле у нее есть такие деньги.

– Ты так смотришь на меня, словно не веришь, что у меня на самом деле есть эти деньги... – Пробормотав это, Нина вскочила с места и бросилась в спальню, откуда вернулась уже с сумкой. Раскрыв ее, она продемонстрировала Герману пачки новеньких евро. Да что там говорить – сумка была

просто набита деньгами!

– Может, ты ограбила кого-нибудь и похитила эти деньги? – Он снова ощутил легкую волну тошноты у самого горла, как это бывало с ним, когда он сильно нервничал.

– Разве можно украсть деньги у себя же?

– Ты – опасная, – сказал он то, о чем думал. – И вряд ли в твоём обществе я буду в состоянии писать музыку.

– А ты просто не обращай на меня внимания, вот и все.

– Может, ты спрячешься в моей московской квартире? – предложил он и тотчас пожалел о своих словах.

– Нет, здесь мне лучше. К тому же за постой ты можешь взять из моей сумки любую сумму. Разве ты ещё не понял, что я боюсь тюрьмы?! Как любой нормальный человек! Поэтому я заплачу тебе сколько нужно, лишь бы ты принял мою сторону.

– Да у тебя и всех твоих денег не хватит на это. – Он покачал головой. – Ладно, спрячь их, и пойдём спать. Утро вечера мудренее.

– Тогда давай договоримся, что я с этой минуты беру все хозяйственные заботы на себя. Пожалуйста! А ты просто сиди за своим роялем и твори. Все! Я буду и убираться, и готовить, а утром ты покажешь мне, где хранятся лопаты, и я расчищу снег во дворе. Постараюсь стать совсем незаметной и хранить молчание. Когда поедешь в город, купишь мне ноутбук, свой я не могла взять. Вот я и буду в свободное от хозяйственных дел время сидеть в комнате и читать что-ни-



будь в Интернете. Или играть. Ну как?

– Идет, – согласился Герман, испытывая в душе странное чувство – дискомфорта и некоей приближающейся опасности. Однако одно он понял несомненно: ей не нужны от него деньги.

Он еще продолжал сидеть в каком-то оцепенении за столом, пока Нина мыла посуду, в миллионный раз спрашивая себя, правильно ли он делает, позволяя ей жить в этом доме, пока не понял, что остался в кухне один. Нина уже ушла, прихватив сумку с деньгами.

Что-то мешало ему спокойно выйти из кухни и лечь спать. Какая-то деталь разговора царапала память, раздражала. Пока он не вспомнил фразу Нины: *«Так ты же в интервью сам упомянул, что у тебя дом в киселевском лесу»*. Когда это он говорил, что живет в киселевском лесу? Он дал всего лишь одно интервью, и именно оно попало на глаза Нине. Но про киселевский лес там не было сказано ни слова! Это точно. Он быстрым шагом направился в гостиную, включил свет и нашел на книжной полке газету с интервью. Пробежал текст глазами. Ни слова про киселевский лес. Да иначе и быть не могло! Он же спрятался ото всех, так зачем же он указал бы, где именно поселился? Мол, я спрятался от вас, но вы все равно знайте, где я, ведь где-то в глубине души я надеюсь, что вы начнете одолевать меня визитами... Какая глупость!

*Или вот это: «Я приложила некоторые усилия, чтобы выяснить, где это. Сначала приехала на такси в Киселево,*

*и вот там, в магазине, и узнала, где именно ты живешь. Сказали – почти в самом лесу».*

Человек, совершивший двойное убийство, вместо того чтобы спрятаться куда-нибудь поглубже, пытается выяснить, где находится киселевский лес, словно это какое-то невероятно известное место! Да этого леса вообще никто не знает! Разве что местные. Живущие поблизости от него. Но она говорит, что в Киселеве жила ее подруга... Завралась девушка! Окончательно.

Но как вывести ее на чистую воду? Как разоблачить? Поехать в тот поселок, где произошло двойное убийство, и удостовериться, что там на самом деле нашли два трупа? Кажется, она сказала что-то про машину, которая там осталась, наверняка рядом с домом или где-то на территории дома, то есть дачи. *«Машина, наш белый «мерс», там осталась. Я еле-еле выбралась по сугробам на шоссе, остановила машину и поехала в город».* Вот так. Значит, надо искать белый «Мерседес».

Молодая авантюристка, пистолет, деньги, убийство – два убийства! – пластическая операция, фальшивый паспорт с придуманной новой фамилией... В какую же мерзость он вляпался!

Вместо того чтобы сесть за рояль или почитать Бунина, Герман рано утром устроился за компьютером и набрал в поисковике всего лишь одну строчку: «Двойное убийство в поселке Солнечном». Сразу ударило по нервам: «В воскресенье в поселке Солнечный, территориально относящемся к Ленинскому району Оренбурга, совершено двойное убийство». Не сразу даже дошло, что это – в Оренбурге! А вот еще: «Двое молодых людей, совершивших двойное убийство, задержаны в Хабаровском крае... По такому-то федеральному округу, в квартире на улице Нагорной, в поселке Хурмули Солнечного района Хабаровского края, были обнаружены трупы хозяев...» И все в таком духе, но это не имело отношения к Подмосковию.

Тогда он набрал: «Двойное убийство в Подмосковье». На экране появилось: «Еще одно двойное убийство произошло в Серпуховском районе Подмосковья. Два человека стали жертвами убийц в Серпуховском районе Московской области...»; «В деревне Хитровка Каширского района Московской области совершено двойное убийство...»; «В Подмосковье предотвращено двойное убийство. Сотрудники управления по борьбе с оргпреступностью (УБОП) ГУВД Московской области задержали жительницу города Железнодорожный, заказавшую убийство двух местных жителей...»

Герман не сразу понял, что все эти убийства были совершены в прошлом году!

Значит, трупы, интересовавшие его, пока что не нашли.

Он был уверен, что Нина еще спит. Поэтому удивился, услышав за окном какие-то звуки, причем весьма характерные – штрак-штрак: так чистят снег лопатой, штракающей по мерзлой земле.

Нина, в какой-то незнакомой ему курточке, которую она, вероятно, нашла в сарайчике, с разбурявшимся лицом, растрепанная, но почему-то казавшаяся счастливой, расчищала дорожку от крыльца к воротам. Герман знал, какая это тяжелая работа. Это только с виду снег кажется таким легким, на самом деле даже он, мужчина, через полчаса подобной работы валился с ног от усталости. Конечно, он не спортсмен и крепким здоровьем никогда не отличался, но наблюдать из окна гостиной, как хрупкая девушка машет лопатой, он тоже не смог. А потому, набросив старую меховую куртку и надев рукавицы, Герман вышел из дома. В воздухе сладко пахло утренним мягким снегом с нотками женских духов (вероятно, это были остатки аромата «вчерашней жизни» Нины), слегка потягивало дымком из трубы – плоды утренних усилий Германа. Ему не хватало невидимого тепла, исходящего от водяных труб, хотелось видеть живой огонь в камине.

– Доброе утро, – сказал он, еще не зная, какое ему следует сделать выражение лица в присутствии своей странной со-

жительницы или, скорее, постоялицы. Уж теперь-то гостьей ее точно нельзя было назвать.

– А... Вы? Доброе утро! – Яблочные щеки ее, казалось, готовы были треснуть от сока. Она была так прекрасна в эту минуту, что Герман на какое-то мгновение забыл, что видит перед собою убийцу. Больше того, он вдруг понял, что она могла бы с блеском сыграть роль Кати из бунинской «Митиной любви». Нежность в сочетании с лукавством, дерзостью и таинственностью. И красота, конечно, которой Герман просто не мог не восхищаться.

– Да, это я. Думаю, поблизости, кроме меня, ты никого и не найдешь, – сказал он – просто так, чтобы что-то сказать. – Ты почему без перчаток?

– Не нашла, а свои жалко, – просто ответила она.

– Понятно. Вот, забирай мои. А вообще-то тебе, я думаю, уже хватит работать. Я сейчас возле ворот почищу, а ты иди домой. Кто-то обещал мне помочь с готовкой.

– Да-да, хорошо. Я иду, – улыбнулась она и торжественно вручила ему лопату. – Только скажи, что ты любишь на завтрак? Кашу? Кофе? Чай?

– Вообще-то я все люблю. Что приготовишь, то и съем.

– Хорошо, – она пожала плечами и пошла к крыльцу. И Герман вдруг ужаснулся своим мыслям – он позавидовал ей: она знает, что ей делать и как себя вести в этой жизни. Она, убийца! А он, композитор, до сих пор не может родить ни единого такта. И получается, что он как бы напрасно живет

и вообще попросту не может называть себя композитором. Даже дворникам живется, с психологической точки зрения, комфортнее, потому что они знают, что им делать, и делают это: расчищают снег зимой, убирают и жгут листья осенью, подметают дворы летом.

Он с каким-то остервенением принялся чистить дворик. Черпал снег большими порциями, а он, липкий, не падал с лопаты, и приходилось, сколько зачерпнешь, столько и откидывать в сторону.

Он представил себе, как приезжает в Москву, подписывает подогнанный под него, талантливого и замечательного композитора, договор, потом пьет шампанское вместе с заказчиком в предвкушении музыкального триумфа будущего фильма, а музыки-то у него в душе нет. Ни в сердце, ни в голове. Больше того, ему даже не хочется подходить к роялю. Страшно!

Живут же спокойно нормальные люди! Занимаются вполне конкретными, реальными делами – строят, шьют, что-то там мастерят, учат детей, лечат людей. А чем занимается он? Пытается сотворить из воздуха нечто такое, волшебное, что заставляет сердца многих людей биться сильнее и от чего они испытывают удивительное и ни с чем не сравнимое удовольствие. Музыка! Что это такое? Ее нельзя потрогать, как картину, которую написал маслом художник. С художником тоже все ясно. Всю свою фантазию, весь свой талант он выражает в цвете и форме. Картину можно повесить на стену и

любоваться ею. И она тоже вызывает определенные чувства и может даже вдохновить другого человека на какое-то творчество. А музыка? Если она не звучит в душе, то что же тогда записывать на нотную бумагу?

– Господи, – прошептал он, прижимая к груди лопату, – как хорошо, что меня никто не видит и не слышит и никто не догадывается о тех муках, которые я испытываю...

Он даже перекрестился в сердцах. И вернулся в дом. В кухне пахло кофе, и этот запах показался ему совсем не таким, каким он бывал, когда он сам варил кофе. К тому же он не мог вспомнить, когда ему вообще кто-то готовил кофе или тем более завтрак.

Нина как раз в ту минуту, когда он появился на кухне, начинала жарить гренки. Макала ломтики булки в яично-молочную смесь и укладывала их на сковородку с раскаленным маслом.

– А у тебя неплохо получается, – сказал он, снял куртку и решительным шагом направился в гостиную, где его поджидал рояль. Он сел за него, словно обреченный до конца жизни сидеть перед этой оскаленной зубастой пастью, провел пальцами по зубам-клавишам, вздохнул. Подумал, что должен же быть в мире какой-то порядок. Что раз Нина жарит гренки, то он должен сидеть за роялем и сочинять музыку.

Хотя... Стоп! А что ему конкретно сочинять, если он даже еще не освежил в памяти повесть Бунина?

Но за рояль-то он уже сел. А потому принялся наигрывать попури из собственных сочинений. Сначала тихо, осторожно, словно пробуя на вкус звуки, потом – все более страстно прикасаясь к клавишам.

Герману казалось, что он играет уже долго, но и остановиться он не мог. Он словно хотел оправдаться перед самим собой за вынужденное бесплодие, доказывая, что еще недавно он мог придумывать красивые мелодии, и это были его собственные, им производимые звуки, значит, он может, может сочинять хорошую музыку, просто надо немного подождать, когда в душе созреет определенное настроение...

– Как красиво... – услышал он совсем рядом, повернул голову и обмер, увидев рядом с собой Нину. Она смотрела на него с искренним, как ему показалось, восхищением. – Какие чудесные мелодии! Прямо до мурашек...

И вдруг она, подняв плечи, вновь, как ночью, закрыла лицо руками. И что-то трагическое было в ее силуэте, во всем ее облике, в этом скрытом нежными ладонями лице.

Герман взял аккорд левой рукой, затем дважды повторил его, и правая рука его, словно независимо от него, тоже взяла несколько нот, затем мизинец достал высокую пронзительную ноту, облагородив фрагмент начала мелодии. Совершенно невероятное сочетание звуков! Он повторил тему, немного развил ее и почувствовал, как к голове его приливает кровь, как ему становится трудно дышать. Что это, свежий воздух? Запах кофе? Вид плачущей девушки-убийцы?



Молниеносным движением руки он схватил карандаш, набросал воспроизведенную им мелодию и неожиданно почувствовал щемящую боль в груди. Он даже застонал и тотчас застыдился нахлынувших на него чувств.

Что-то произошло в воздухе, приоткрылось что-то невероятно высокое, космическое, впустив в душу Германа ожерелье из драгоценных звуков... Мелодию!

Мелодия была богатая, способная развиваться и разветвляться, переливаясь всеми оттенками минора, к тому же – он откуда-то это знал – запоминающаяся сразу же.

Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он извлек из рояля первые звуки, но, очнувшись, понял, что Нина так и стоит рядом с ним, и плечи ее подрагивают. Нетрудно было догадаться, что до нее, до этой давно повзрослевшей девочки, только сейчас начал доходить весь ужас того, что она сотворила. И что если поначалу ее обуревал страх перед тюрьмой, ее холодом и вонью, не говоря уже о леденящем ворохе неизбежных унижений, то сейчас, вполне возможно, она начинает испытывать страх другого рода – ужас от того факта, что она убила двоих людей. Лишила их жизни. Хладнокровно.

Легкое покалывание в кончиках пальцев свидетельствовало о том, что кровь его забурлила с новой силой и что эта новая сила наполнила не только сосуды, но и его душу. Он знал это свое состояние – какого-то необычайного обновления и радости, это предвкушение интересной большой ра-

боты. Мелодия, «скелет» которой он порывистым почерком набросал на нотной бумаге, продолжала жить в нем, разбухая и развиваясь, словно разливалась густейшими кровеносными сосудами побочных тем. Он уже слышал их, они уже жили в нем...

– Ну же, хватит, возьми себя в руки! – Какой же он сейчас был добрый! – Нина, давай позавтракаем, а потом уж вместе решим, как следует поступить, чтобы тебя не вычислили.

– Да, да, хорошо, – она отняла ладони от мокрого лица и покорно последовала за ним на кухню.

На столе он увидел тарелку с гренками и понял, что, оказывается, страшно проголодался.

– Выглядит очень аппетитно!

– Хорошо, что ты не считаешь калории, как некоторые. И вообще, ты нормальный, адекватный. Не то что Роман!

– Роман? – Герман посмотрел на нее с видом человека, которому показалось, что он ослышался. – Ты сказала – Роман?

– Ну да! Его зовут Роман.

– И кто же у нас Роман?

– Расслабься. Ешь гренки. – Она подбодрила его взглядом. – С ним-то все хорошо. Другое дело, что он остался теперь без квартиры. Но это уж его проблемы. И почему я должна делиться с ним своей собственной жилплощадью?!

– Ты лучше скажи – как мне реагировать на все то, что ты мне только что сказала? Не обращать внимания или рас-

спросить из вежливости? – Он вдруг (неожиданно для себя) принял решение вообще не обращать на нее внимания – до тех пор, пока ему не покажется, что время ее пребывания в его доме подошло к концу. Он еще и сам не знал, как он об этом узнает, но после всего произошедшего с ним у рояля у него появилась некая внутренняя уверенность: пока что он все делает правильно. Что же будет потом, никто же не знает.

– У тебя не получится совсем уж не обращать внимания, ты же должен знать, кто с тобой живет.

– Не со мной, а у меня, – поправил он ее, откусывая с хрустом кусочек поджаренного хлеба. – Но ты права. Я даже не знаю полностью твоего имени. Нина... А фамилия?

– Нина Вощинина, могу показать тебе паспорт.

– Покажи, – не растерялся он, решив не играть в данном случае в вежливость. Раз он оказал ей приют, то вправе заглянуть и в паспорт девушки-убийцы. Так, на всякий случай.

Нина кивнула, вышла из кухни и вернулась с паспортом.

Да, она на самом деле Нина Яковлевна Вощинина, двадцати пяти лет от роду, проживает в Москве на Трубной улице. С пропиской, таким образом, все в порядке. Вот только она не замужем! Во всяком случае, штамп регистрации брака отсутствует.

– Так ты не замужем была за своим Вадимом? Официально?

– Замужем, – со вздохом ответила она, уселась напротив Германа со скучающим видом. – Просто паспорт потеряла,

мне сделали новый, а штамп – зачем он мне? Лишняя суета.

– А квартира чья? Вадима? Или твоя?

– Наша общая, теперь она будет полностью моя, и я ни за что больше не свяжусь с мужчиной и уж тем более никогда не выйду замуж! Хочется покоя и свободы.

– А кто ты по образованию? Какая у тебя профессия?

– Я работала в школе, психологом. До недавнего времени.

– Как это?

– Когда все это произошло, я просто не вышла на работу. Я же рассказывала!

– После того, как убила...

– Как убила свою мачеху.

Герман нахмурил брови:

– Нина, хватит валять дурака и разыгрывать меня! О какой мачехе ты говоришь?

– О своей мачехе, которую я убила позавчера.

– Ты в своем уме?!

– С мозгами у меня все в порядке, а вот Ритка просто помешалась на почве любви и ревности!

– Ритка?.. – У него уже голова шла кругом.

– Все очень просто. Мама моя умерла, давно, и отец женился на молодой женщине, Маргарите. Обычная история, ты не находишь? Не хочу рассказывать тебе, как я переживала. Я чуть с ума не сошла от горя! Но самым ужасным было то, что я тогда была прописана в бабушкиной квартире, то есть на этой самой Трубной улице. Словом, после смерти

моего отца в нашей квартире продолжала жить Маргарита, хотя по завещанию папина квартира принадлежит тоже мне, как и квартира на Трубной. Дело в том, что эта квартира, на Цветном бульваре, в свое время досталась моей маме от ее родителей, и Маргарита не имеет к ней никакого отношения. Однако не выселять же ее оттуда!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.